

СЕРГЕЙ СУББОТИН

“МОЯ КОРОЛЕВНА — РУСЬ!..”

К 125-летию со дня рождения Александра Ширяевца

Талантливый и самобытный русский поэт Александр Васильевич Абрамов (литературное имя — Александр Ширяевец; 1887–1924) вошёл в историю отечественной литературы прежде всего как “баюн Жигулей и Волги” (так назвал его в одном из своих писем Сергей Есенин). И это неудивительно: ведь впечатления детства и ранней юности, что прошли на волжских берегах, ярко отразились в стихах поэта.

Его родное село Ширяево (в честь которого он и взял свой псевдоним) расположено у великой русской реки, в одном из самых живописных мест. Село стоит при входе в расширяющееся устье Ширяевского оврага (буерака), который тянется по территории Самарской Луки. Если идти вдоль него, то можно увидеть каменистые стены и скалы, сосновые и березовые леса, поляны и родники. По обеим его сторонам к Волге спускаются две горы. С их вершин открывается широкая панорама Волги, и хорошо просматривается долина “междугорья”. Вот как писал впоследствии сам поэт, вспоминая родные места:

*В междугорья залегло —
В Жигулях моё село.*

*Рядом — Волга... Плещет, льнёт,
Про бывалое поёт...*

.....
*А кругом простор такой —
Глянешь, станешь сам не свой!*

*Всё б на тот простор глядел,
Вместе с Волгой песни пел!**

И в этом, да и во многих других стихотворениях Ширяевца не случайно звучат ностальгические ноты. Ведь большинство произведений поэта было создано им вдали от родных мест, в Туркестанском крае, куда он был вынужден переехать ещё в ранней юности и где прожил большую часть своей недолгой жизни.

* Стихи Ширяевца приводятся здесь по его книге “Песни волжского соловья: Избранное” (Тольятти: Духовное наследие, 2007; сост. и вступ. ст. Е. Г. Койновой, подгот. текстов Е. Г. Койновой и С. И. Субботина), а также по публикациям автора этих строк в альманахе “День поэзии-1986” (М., 1986) и журналах “Наше наследие” (1988, № 3) и “Наш современник” (2007, № 4).

С 1905 по 1922 годы (с перерывом в один год) он работал телеграфистом в разных городах Туркестана — от Ташкента до Бухары:

“... я ведь служу теперь в почтово-телеграфном ведомстве, — писал он из Чарджуя в Москву 27 ноября 1914 г. одному из руководителей Суриковского литературно-музыкального кружка писателей из народа Г. Д. Дееву-Хомяковскому. — От деревни я отстал, служил одно время чернорабочим в Самаре на бумагокрасильной фабрике, потом писцом, а потом уже влез в чиновный мир. Одно меня утешает — я один из тех мелких чинуш, имя коим легион и которые ещё более бесправны, чем крестьяне и рабочие... Мыслить я должен не так, как мне нравится, а так, как предписывают разные циркуляры и отношения... Ничего не поделаешь: жрать захочешь, так не только чиновником сделаешься, а и хуже... <...> Живется мне несладко, ведь у нас начальников тьма-тьмушая, и каждый может тебя в бараний рог согнуть...”

Ну, пока будет об этом. Скажу одно: я с гордостью думаю, что я сын народа, и тянет меня в деревню; тот же мир, в который затолкнула меня судьба, противен мне и омерзителен. Только и отвожу душу песней”*

И в самом деле, с 1908 года Ширияевец регулярно печатается в туркестанских газетах и журналах. В 1911 году он со своими друзьями-стихотворцами Л. Порошиным и П. Поршаковым выпускает в Ташкенте коллективный сборник “Стихи”. Разделы этого сборника, автором которых был Ширияевец, именовались — “Ранние сумерки” и “Песни”. Большинство вошедших в них стихотворений поэта ещё несёт на себе явную печать подражательности. И всё же в некоторых из них, возросших на почве фольклора, Ширияевец пробует хотя и неокрепший, но свой собственный голос:

*Ой, стелется метелица, заносит все пути,
Ни конным не проехати, ни пешим не пройти!
Всё носится, бахвалится: “Уж я ль да не сильна!
Посиживай-ка в горенке у мерзлого окна!”*

В 1911–1912 годах его стихи появляются уже и в столичной печати, в частности, на страницах петербургского еженедельника “Народный журнал”. Редактор этого издания Е. К. Замысловская так отозвалась о даровании Ширияевца в самом первом письме к нему (конец января — начало февраля 1913 г.): “Ваши стихи с благодарностью приняты. Прошу присылать еще. По-моему, у вас большие способности...”*

А в 1913 году появляются первые произведения поэта на сюжеты из русской истории. Его “Смерть князя Михаила Скопина-Шуйского” стоит привести здесь целиком — ведь это стихотворение, исполненное неподдельной творческой энергии (хотя и не без шероховатостей), еще не включалось в книги Ширияевца ни разу (возможно, по причине явной переключки с балладой А. К. Толстого).

*Случилось то деянье в старинные года.
Ах, знал ли князь Михайло, что ждёт его беда,*

*Не в схватке ждет с врагами — на званом на пиру...
Ты знал ли, светлый витязь, что шёл ты не к добру?*

*...Справляет пир крестинный стар Воротынский князь...
Пьяны, хмельны бояре... И молвят так, хвалясь:*

*“Не я ли славен силой?!” — “Не я ль златой казной?!”
“Кто сравнится с моею дородною женой?!”*

*Один лишь князь Михайло беседы не ведёт,
Не пьет он вин и браги, а только сладкий мёд...*

---

*Цит. по: Субботин С. “Я сын крестьянской полевой Руси...” (Об Александре Ширияевце) // Советская литература. 1990. № 4. С. 12.

*Да, видно, бес лукавый толкнул его сказать:
“Не стыдно ль по-пустому, бояре, толковать!”*

*А кто вам Русь избавил от ворогов лихих? —
Спросите деток малых и старцев вы седых,*

*Спросите-ка, бояре, и всяк ответит вам:
То сделал я! Потомкам я имя передам...”*

*Смутились гости, слыша зазорные слова,
И не одна хмельная взбесилась голова.*

*Исполняя лютой злобы, кладут отраву в мёд,
И князь-Михайле чару с тем медом подаёт*

*Скуратова Малюты, в отца лихая, дочь:
“Пей, князюшка! До мёда ведь больно ты охоч!”*

*Ой, князь Михайло Скопин, почто ты выпивал
Ту чару с лютым зельем!*

А выпивши, упал...

*И кинулися други, сажали на коня...
Везли домой...*

И начал хиреть с того он дня...

И отдал Богу душу...

*Да слава-то растёт, —
О витязе, о светлом, Русь помнит и поёт...*

(“Туркестанские ведомости”, 17 (30) марта 1913 г.)

На 1913–1914 годы приходится интенсивное эпистолярное общение молодого поэта с Е. К. Замысловской, которая не только регулярно сообщает ему о событиях столичной литературной жизни, но и рассказывает о нём своим знакомым по писательскому цеху. Тогда же (благодаря Замысловской) начинается переписка Ширяевца с Николаем Клюевым, заметно повлиявшим на формирование его творческой личности: “...его <Клюева> советы — настоящий клад для меня”, — признаётся Ширяевец в одном из писем.

В свою очередь Клюев рекомендует Ширяевцу посылать свои сочинения в “Ежемесячный журнал”, редактором-издателем которого был В. С. Миролубов, по праву слывший пестуном писателей “из низов”. Именно в этом журнале и появляются в 1914–1916 годах лучшие стихи и песни поэта того времени.

Среди них — стихотворение “Бурлак”, еще при жизни Ширяевца получившее широкую известность (оно неоднократно перепечатывалось и было положено на музыку):

*Уплыву, как только вспенится
Волга — матушка-река!
У бродяг душа не пленница,
Не дрожит у кошелька!*

*Любо петь мне песни смелые,
Что поёт по Волге голь,
Двинуть вёсла в гребни белые!
— Эх, зазноба, не неволь!*

*Уноси быстрей, кормилица,
Наши барки и плоты!
Глядь, и ветер принасилится, —
Будет меньше маеты...*

*Не меня ль краса румяная
Манит с берега рукой?..
Да мила мне воля пьяная!
Обручился я с рекой!*

Стихи Ширяевца в “Ежемесячном журнале” обратили на себя внимание юного Сергея Есенина, чьи стихотворные опыты еще только-только начинали тогда появляться на страницах московских журналов. 21 января 1915 года он пишет Ширяевцу эмоциональное письмо, положившее начало многолетней переписке поэтов и их тесной дружбе. Именно эти письма Есенина в Туркестан, опубликованные в начале 1960-х годов в собрании его сочинений, а затем многократно перепечатывавшиеся, сыграли важную роль в том, что имя Ширяевца и в наши дни не поросло “травой забвения”.

В мае 1915 г. поэт едет в отпуск в родное Ширяево, а затем – через Москву – в Петроград, где встречается с журналистами, писателями, издателями... Один из туркестанских друзей поэта позднее вспоминал:

“Осенью <точнее, летом. – С. С.> 1915 г. вернулся, после долгого сравнительно скитания, весёлый, бодрый и уверенный в себе, как потом никогда. Посетил московских и петербургских писателей. Виделся с Бальмонтом, Горьким, Буниным, Мережковским, Гиппиус и др. и в особенности был очарован Сергеем Городецким. Привез книги с автографами писателей и бережно хранил их всю жизнь. Городецкий подарил ему свой старый английский френч, и он его берёт до 1920 г., когда в голодную пору променял на хлеб. Гиппиус подарила ветку сирени, и он хранил её как реликвию. Сильно горевал, что не добился свидания со своим любимым поэтом А. Блоком. Также грустил, что не повидал Орешина, Клюева и др. <...> С этой поездки он ожил и стал неузнаваем. Песни начал петь бодрые; Волга с курганами снилась ему во сне. “Надо учиться и учиться, работать над собой”, – и бросался за самообразованием... “Вон, смотри, какие поэты пришли: Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Бальмонт, Блок: где нашему брату, сераку, за ними угнаться. Их природа одарила талантом, а судьба, или рок, создала благоприятные условия для всестороннего развития. Детям нищеты материальной всё дается с бою”, – и он гордо указывал на развитие такого же бедняка, как и он, Максима Горького”*.

Не найдя себе издателя в Петрограде, Ширяевец вскоре после возвращения из поездки выпустил в Ташкенте свой первый авторский сборник “Богатырь” (1915), куда вошли стихи, навеянные шедшей тогда войной. Но и после этого поэт не расстался с давней мечтой – издать книгу, в которой были бы представлены его лучшие произведения, напечатанные в столичных журналах. Этот сборник – “Запевка” – вышел в свет тоже в Ташкенте осенью 1916 года тиражом всего 240 экземпляров: “. . . вот всё, что мог я выпустить на собственные деньги”, – сетовал поэт в одном из писем.

Ширяевец разослал книгу и в редакции газет и журналов, и своим корреспондентам. Сборник получил одобрительные отзывы в прессе. Об одном из его разделов рецензент столичного “Журнала журналов” (1916, № 45) писал так: “. . . в “Волжских песнях” Ширяевец своеобразен, свеж и неожидан. Тут свои слова, свои образы и музыка <...>. Правда, эти образы рассыпаны не щедро, суров и прост язык волжских песен, но есть не видимая, а осязаемая образность в напряжении стиха, в его непосредственной, неподдельной “ядренности”. В этой рецензии было немало критических замечаний о языке и стиле некоторых стихотворений Ширяевца, но завершалась она фразой, в которой автор “Запевки” был назван “несомненно большим поэтом”.

В откликах друзей тоже не обошлось без критики. Николай Клюев отметил, что “издана “Запевка” безобразно” и что “так издаваться нельзя – это страшно вредит стихам”, но продолжил: “Мы в Петрограде читали и пели твои стихи братски – четыре поэта-крестьянина: Серёженька <Есенин>, Пимен Карпов, Алеша Ганин и я. Нам всем понемножку нравится в тебе воля и Волга – что-то лихое и прекрасное в тебе”.

Отзыв иной тональности пришел Ширяевцу от Владислава Ходасевича, кому тоже была послана “Запевка”:

* Ш п а к П. П. Воспоминание о поэте Александре Васильевиче Ширяевце // Книга для чтения по истории новейшей русской литературы / Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет / Сост., снабдил примеч. и введ. статьями В. Львов-Рогачевский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1925. С. 166–167.

“Мне не совсем по душе весь основной лад Ваших стихов, — как и стихов Клычкова, Есенина, Клюева: стихи “писателей из народа”. <...> И в Ваших стихах, и у других, упомянутых мною поэтов, — песня народная как-то подчищена, вылощена. Всё в ней новенькое, с иголки, всё пестро и цветисто, как на картинках Билибина. Это — те “шёлковые лапотки”, в которых ходил кто-то из былинных героев, — Чурило Пленкович, кажется. А народ не в шёлковых ходит, это Вы знаете лучше меня. <...> У Вас есть дарование, глаз, напев в стихах. Пишите то, в чём Вы действительно сейчас живёте, — а не воспоминания какие-то. Да по правде сказать — и народа-то такого, каков он у Вас в стихах, скоро не будет. <...> У России, у русского народа такое прекрасное будущее, что ему (будущему) служить да служить. А старое — Бог с ним. В нём тоже много было прекрасного — да ведь его не вернуть”.

7 января 1917 года Ширяевец написал своему оппоненту полный достоинства ответ:

“Скажу кое-что в свою защиту. Отлично знаю, что такого народа, о каком поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет, но не потому ли он так и дорог нам, что его скоро не будет?.. И что прекраснее: прежний Чурило в шёлковых лапотках с припевками да присказками, или нынешнего дня Чурило, в американских щиблетах, с Карлом Марксом или “Летописью” в руках, захлёбывающийся от открывающихся там истин?.. Ей-богу, прежний мне милее!.. <...> Да и как не уйти в старину от теперешней неразберихи, ото всех этих истерических воплей, называемых торжественно “лозунгами”... Пусть уж о прелестях современности пишет Брюсов, а я поищу Жар-Птицу, пойду к тургеневским усадьбам, несмотря на то, что в этих самых усадьбах предков моих били смертным боем... <...> не люблю я современности окаянной, уничтожившей сказку, а без сказки какое житье на свете? Очень ценны мысли Ваши, и согласен я с ними, но пока потопчусь на старом месте <...> О современном, о будущем, пусть поют более сильные голоса, мой слаб для этого...” (цит. по: Ходасевич В. Некрополь. Paris, 1976, с. 220–221).

Тем не менее, вскоре, вдохновленный революционными событиями февраля 1917 года в центральной России, Ширяевец возвысил-таки свой голос, радуясь ветрам перемен, повеявшим над многострадальной родиной:

*Русь, вставай! Довольно муки!
Нет ни тюрем, ни оков!
Слышишь радостные звуки
Вечевых колоколов?*

*Вьется пурпурное знамя,
Песнь свободы как прибой.
— Распротись с больными снами,
Светлый путь перед тобой!*

Это стихотворение станет составной частью стихотворного цикла поэта “Зори-заряницы” (1917), опубликованного в сборнике “Красный звон” (названном, кстати, по словам одного из произведений этого цикла). Книга эта вышла в Петрограде (уже в феврале 1918 года) с предисловием известного критика Иванова-Разумника и получила поистине всероссийскую известность. Кроме ширяевецкого цикла, в нее вошли также стихи Николая Клюева, Сергея Есенина и Петра Орешина.

Тогда Ширяевец был полон надежд на грядущее обновление жизни родины. 31 марта 1917 года он пишет своему другу Павлу Поршакову;

“...не могу опомниться от событий этого месяца... Не во сне ли всё это снится? — Чудеса! Много выкриков, “лозунгов” и прочего, кое от чего начинается тошнить, но я жду, что скажет не фабричная, считающаяся только с Карлом Марксом Русь, а Русь деревенская, земледельческая, и заранее отдаю ей мои симпатии, ибо только в ней живая сила...”*

---

*Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1985. Т. XXVI. Fasc. 3/4. P. 434 (публ. Мишеля Никё).

Но события продолжают развиваться, и летом 1917 года к Ширяевцу приходит ощущение, что Россия — на узловом распутье времен... И всё же он не теряет надежды, что родина обретёт верный путь:

*За Русью-молодицей
Бегут два паренька:
— Ну, что же, озорница,
Кому твоя рука?*

*— Не я ли ражий, бравый,
С червонцами мошна, —
Пойдём со мной направо,
Ей, будешь, что княжна!*

*— Не слушайся буржуя!
Уж я ль не по душе?
Налево! Докажу я —
Быть счастью в шалаше!*

*...Несутся вперегонку,
За белы руки хватъ...
Она смеётся звонко:
— Ой, не пора ль отстать!*

*Скажу я вам без гнева:
Я путь без вас найду!
Ни вправо и ни влево
Я с вами не пойду!*

Однако смута, в октябре того же года охватившая (уже в который раз!) всю Россию, рождает трагические ноты в стихах поэта:

*Давно-давно на подвиг славный
Богатыри не мчатся вскачь,
И горше плача Ярославны
Твой заглушённый тихий плач...*

*Не злым врагом, не в поле ратном
Твой щит старинный дерзко смят, —
В краю родном, ножом булатным
Сыны любимые разят!*

*Как зверь, метнувшийся из чащи,
Бегут они, и дик их зов,
И отдают рукой дрожащей —
Дары отважных Ермаков...*

*Да что дары: твой крест нательный
Они заложат под галдёж!
И плачешь ты в тоске смертельной,
И клича Мининского ждёшь...*

*— Ужель не будет светлой яви,
Ужель последний час настал?..
— Избави, Господи, избави!
Спаси, Угодник, как спасал!*

Впрочем, становление новой власти в Ташкенте — главном городе тогдашнего Туркестанского края, где жил Ширяевец, — прошло гораздо спокойнее, чем в центре или на юге России, в Поволжье или в Сибири...

И вскоре поэт начинает регулярное сотрудничество в туркестанской советской печати. С января 1918 года он публикует на страницах газеты “Свободный Туркестан” не только стихи, но и рассказы, фельетоны, статьи, и в их числе — статью “Три витязя (О поэтах из народа)”, посвященную собратьям по духу в русской поэзии: Николаю Клюеву, Сергею Есенину и Сергею Клычкову. 13 июня 1918 года первый номер газеты “Советский Туркестан” сообщает об избрании Ширяевца членом одной из комиссий Ташкентского профессионального союза журналистов. Тогда же он становится слушателем Туркестанского народного университета, открывшегося в Ташкенте, и печатается в университетской периодике — газетах “Народный университет” и “Просвещение” и журнале “Вестник Туркестанского народного университета”.

Еще в 1914–1915 годах в письмах старших товарищей по литературному цеху, обращенных к молодому поэту (и написанных независимо друг от друга), прозвучали схожие напутствия: “Пиши своё — телеграфное, или домашнее, или бухарское” (Николай Клюев); “Пишите только своё, живое, то, что в Вашем сердце и вокруг Вас — хотя Чарджуй” (Иван Бунин). Эти советы, очевидно, не прошли для Ширяевца бесследно — в своем послереволюционном творчестве он, наконец, берется и за восточную тему. Его ориентальные стихи составили книгу “Край солнца и чимбета (Туркестанские мотивы)”, выпущенную в 1919 году издательством “Туркцентропечать”.

В одном из этих стихотворений поэт признаётся:

*Не любил этот край я, уснувший царевой
От заклятий неведомых, губящих сил;
Уносился я к Волге певучей и гневной,
С Жигулями родными во сне говорил...*

*А теперь стало жаль мне сожжённых, пустынных,
Ожидających чуда бескрайних полей,
Бледных рук в потускневших браслетах старинных,
Шелестящих о чем-то в полусне тополей...*

И всё же родина-Русь продолжает оставаться главной темой произведений Ширяевца. Мотивы русских сказок легли в основу его пьесы “Об Иване Крестьянском сыне, Ненаглядной Красоте и Кощее Бессмертном”, выпущенной отдельным изданием той же “Туркцентропечатью” (1919) с посвящением Сергею Есенину. Пьеса в целом пришлась по душе корифею этого жанра — Алексею Ремизову, завершившему свой отзыв о ней словами:

“...конец — освобождение Ненаглядной Красы и смерть Кощея — полн настоящей театральной игры. В театре народной комедии сказка должна занять место...” (в его кн. “Крашенные рыла”, Берлин, 1922, с. 104).

Оставив в 1919 году опостылевшую ему чиновничью службу, Ширяевец стал работать в одной из ташкентских библиотек-читален. Именно в эти годы он обретает свой неповторимый поэтический голос. Осень 1920 — зима 1921 годов оказались для поэта необычайно продуктивными. В это время из-под его пера практически каждый день выходит по одному или даже по несколько стихотворений (большинству их, к сожалению, не было суждено увидеть свет при жизни автора). В основном — это произведения жанра стихотворной миниатюры, несомненным мастером которой становится Ширяевец.

Тематически они весьма разнообразны. Это, например, самохарактеристика горделиво-иронического оттенка:

*— Ничегохыньки не смыслю в Брамах!
— Швец я песен, в гусельки игрец!
Одним словом, Александр Васильевич Абрамов
(Ширяевец).*

Или — в том же духе:

*Сурьезных тем я не касаюсь — ну их! —
Глаза на лоб ползут! То ли дело:
“Любовь” — “кровь”, Солнце, Волга...
В поцелуях*

*Жизнь притче стрел без Ницше пролетела.
И невдомёк мне: хорошо аль худо?
Наук не помню. Дуньку не забуду!*

А вот пейзажная зарисовка:

*Заревого багреца
Сказка-быль огнистая!
Солнца-молодца — гребца
Кудри золотистые!*

Или шутивное стихотворение эротической окраски:

*— Ночь, засвети-ка звездинки-хрусталинки,
Месяц-всезнайку поставь на виду!
— Девоньки! Бабоньки! Дуй к сеновальнику!
Станем отыскивать нашу звезду!*

Восхищает творческая свобода, с которой поэт обращается теперь с самыми разными стихотворными формами — от классических до верлибра (“Нерифмованные пустилки”):

*Смотреть на Солнце и думать о Кресте над могилкой!
Видеть звёзды и не чувствовать Бога!
Получать цветы и знать, что тебя никто не любит!
Дышать розами и стыннуть Северным полюсом!
В шуме аплодисментов знать, что ты одинок!
Смеяться и слышать в душе плакучую иву! —
Чёрт возьми! А в общем всё — пустилки!*

Целый ряд миниатюр Ширяевец посвящает любимым художникам — как мастерам старшего поколения (“Васнецов и Нестеров, Суриков и Рерих, — // Богатырский слёт! // — Им не надо каменных, огненных Америк, // Мил им русский лёд...”), так и современникам. Вот стихотворение “Художнику А. Н. Волкову”, адресованное другу поэта по Ташкенту:

*В твоих картинах солнце заплясало,
В них Туркестан звенит огнями красок!
Быть может, солнце их нарисовало,
Быть может, это чары древних сказок!..*

*Цвета — зеленый, жёлтый, синий, алый
Вливаются поюще рекою!
— Да, ясно, ясно: солнце рисовало!
Но знаю: ты водил его рукою!..*

(Написанное 13 января 1921 года, это стихотворение в 1990-е годы было переведено на итальянский язык слависткой Кристиной Манфреди*).

И всё же главной темой творчества Ширяевца по-прежнему остаётся Русь. Он с вызовом заявляет:

*Напев жалейки грустно-хлипкий,
Ключи подземные криниц
Не променяю я на скрипки
И на шампанское стоици!*

*Я иноземные огарки
Не стану нюхать-смаковать!*

---

*Manfredi C. Aleksandr Volkov: Cenni biografici // Volkov A. Motivi Uzbecchi a cura di Giampiero Bellingieri, Cristina Manfredi, Gianroberto Scarcia. [Venezia]: Poligrafo, 1998. P. 16.

*На что Венеции мне арки! —
Пойду с жалейкой полевать!*

*И, с песней странствуя по весям,
Я миг заветный улучу
И запалю до поднебесья
Родную Русскую свечу!*

Искренность этих чувств несомненна — они действительно выстраданы всей жизнью поэта. И когда его родное Поволжье постигает великое несчастье — грандиозный по своим масштабам голод весны-лета 1921 года, — Ширяевец откликается на это событие всем своим существом. У него рождается сочинение подлинно трагедийного звучания — поэма “Голодная Русь” (1921–1922). При жизни автора это произведение печаталось лишь фрагментарно, а затем оказалось среди т. н. “пропущенной литературы”, много десятилетий утаиваемой властью имущими — сначала от современников, а затем и от следующих поколений читателей. Полностью “Голодная Русь” была опубликована автором этих строк почти через 70 лет после ее создания — в апреле 1990 года (“Советская литература”, 1990, № 4).

С ее страниц встают перед нами сыны и дочери крестьянской России, попавшие в тяжкую беду. В одном из писем августа 1921 года, написанном, когда работа над поэмой уже началась, Ширяевец называет себя так же, как и своих героев: “Я сын крестьянской полевой Руси...”. Обжигающей скорбью просто пышут некоторые места поэмы:

*Солнце
На красной лошади,
Как пьяный опричник,
Скачет,
Знойной плеткой хлещет
По Русской Земле...*

*— Господи!
Чудотворцы!
Ведь и люди, и суглинок плачут,
Ведь скоро звёзды сорвутся от смертного клича!
Помолитесь о Русской Земле!*

*...Солнце на красной лошади
С жутким скачет криком,
Хвалится пьяной силой...
— Полевую Русь-горемыку
Господи,
Помилуй,
Помилуй!*

Поднимаясь временами до обличительного пафоса с саркастическим оттенком:

*На плакатах нарисованы смачно
Светлого будущего люди свободные,
.....
На плакатах — полное счастье!
Дымятся удивительно красивые фабрики,
Выбрасывают “брату-крестьянину”
Молотилки, плуги, косы,
И много,
Много добра
Повезут паровозы
Пахарю-мужику...*

*А здесь — за напастью напасти!
Вчера,
Голодом затравлена,
С откоса,
Как зяблика,
Ребенка родного бросила мать в реку, —
Высохли груди.
— Веселитесь, светлого будущего свободные люди! —*

поэт вновь и вновь возвращается к народной трагедии. В финале произведения разворачивается поистине апокалипсическая картина:

*Весенний рассвет,
Улыбнувшись в пруде,
Над Русской равниной
Брежит победно.
— Люди едят людей,
Скрежет,
Звериный скрежет,
Вой людоедный.*

Весенний рассвет.

.....

*— Христиане,
Говели, причащались когда-то,
Бухались перед Спасом,
А теперь, только ночь,*

*Брат
Караулит — брата,
Мать —
Дочь,
Внук — деда, —*

*Поймать,
Заарканить,
Пообедать
Человечьим мясом.*

*По листве тоскуют чащи.
У кладбищенских ворот
Труп обглоданный, смердящий
Вешний ветер ловит в рот.*

Немногим из современников поэта довелось прочесть “Голодную Русь” целиком... Но даже те из них, кто не читал эту вещь, а воспринимал её лишь на слух, под свежим впечатлением отмечали:

“Были заслушаны стихи Ширяевца из его новой книги “Голодная Русь”. Стихи написаны с чувством, ярко и производят на слушателей сильное впечатление”*.

Столь же заметным явлением стала и другая поэма Ширяевца, написанная в то же время, — “Мужикослов”.

Это своего рода череда видений, посетивших поэта во время одной из бессонных ночей. Перед ним как бы развёртываются некоторые эпизоды не легкой многовековой истории “мужицкой Руси” — истории праотцев, дедов, отцов...

Поэма строится на контрасте: отображается талантливость русского народа и одновременно — беспросветная убогость его существования. В прошлом

* КиМ. Вечер Лито // Коммуна. Самара, 1922. 3 июня.

“чумазой” Руси было мало хорошего: “Всласть поели немного вы ситного, / Пиво ячное, мед протекли мимо ртов...”. Однако именно они — “лапотники, пахотники, чернокостные-смерды” — показывали чудеса храбрости в военных сражениях: “А кто с альпийских лысин / Свистнул / На весь мир? / — Вы!” Именно они — “печальники, кабальники, безвестники, смерды” — благодаря своей одаренности “песенных Жар-птиц метнули по свету”...

Особенная боль — за безвестных русских крестьянок, “мамынек, баушек, Арин Родионовен, зацапанных баррами-блуднями для соромной забавушки”. Обращаясь к ним, поэт сострадает:

*Радости видано много ли?
Не вы ли
Поили
Песнями, сказами ярыми
Пушкиных, Корсаковых, Гоголей!
А самим — оплеухи, пинки,
Синяки
Да могилки неизвестные, убогие!*

Он сострадает мужикам: ведь все они — ему “сродники”. Но при этом ему неведомы пути, которые могут привести к изменению их жизни в лучшую сторону:

*— Крест ли, меч ли возьму — не знаю,
Помолюсь кому — невдомёк!*

Вот почему возникает желание мстить: “Глубже Волги тоска холопья! / Рассчитаюсь, отцы, за вас!” События октября 1917 года восприняты поэтом как “холопский рассвет” для тех, что весь век ходили в “шобонах”.

Однако правда жизни, всегда остро ощущавшаяся Ширяевцем, не позволила ему покривить душой и перейти к воспеванию революции. В советский период главным недостатком “Мужикослова” считалось то, что “руководящая сила революции образно <...> в поэме не осмыслена, и в этом, бесспорно, сказалась ограниченность мировоззрения поэта” (В. Красильников). Иной была точка зрения многих читателей. “Мужикослов” стал одним из самых любимых произведений Сергея Есенина, который знал поэму наизусть и часто читал вслух. Он прочёл ее, рыдая, и в день похорон Ширяевца...

“Мужикослов” был издан в Москве, куда Ширяевец переехал из Туркестана лишь во второй половине 1922 г., потеряв тогда же горячо любимую им мать. Книга вышла в 1923 г. с посвящением: “Памяти матери моей Марии Ермолаевны”.

Прохождение “Мужикослова” в печать не обошлось без препон идеологического характера, о чем говорится в письме Ширяевца Павлу Поршакову: “С “Мужикословом” вышла история. Он был уже набран, я проверил корректуру, но не разрешило Главлито (цензура) — “сплошная мистика” — подлинное выражение запретителя. На днях узнал, что при вторичном просмотре — разрешён”*.

Это было одно из первых, но далеко не последнее препятствие на пути поэта к читателю в столице Советской России. В архивном фонде Государственного издательства РСФСР, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), нами обнаружено несколько отрицательных откликов на сборники стихов Ширяевца, предложенные им Госиздату (ниже цитируются без отсылки).

Два его сборника (“Красный звон” и “Ванька Ключник”) были отрецензированы в один и тот же день (8 мая 1923 г.) одним и тем же лицом, подписавшимся “В. Мужик” (кто скрывался за этим псевдонимом, не установлено).

По поводу первого из сборников рецензент, в частности, писал в духе тогдашних идеологических установок:

“...красного здесь ничего нет. <...> А есть неизжитые автором религиозные предрассудки и грубые суеверия. <...> “Зазвонили колокольни звоном

---

*McVay G. Ten Letters of A. V. Shiryaevevs (1923–1924) // Oxford Slavonic Papers: New Series. 1988. Vol. XXI. P. 161 (письмо от 1 апреля 1923 г.).

красным”. Что значит? Неужели у нас сейчас колокольни звонят красным звоном? Конечно, нет. Ибо само слово “колокольня” белое.

Дальше: “Мать-земле поклонюсь, / Мать-земле помолюсь”. Теперь самый отсталый мужик перестал молиться земле, а вы, автор, еще молитесь.

<...> Кроме того, вся книжка неграмотна. “Гармония”. Гармошка или гармоника, что вам скажет каждый деревенский парень. И много других таких слов <...>

Книга “Красный звон” религиозна, суеверна, технически художественно слаба и совершенно без той идеологии, которой требует момент”.

Свой второй отклик (на сборник Ширяевца “Ванька Ключник” с подзаголовком “Песни. – Стихи”) рецензент начал так:

“В настоящее время все песни и стихи должны быть ярки. Никак не должны содержать в себе каких-либо предрассудков и всяких неясных сторон.

Песни и стихи Ширяевца от начала и до конца переполнены старыми традициями. <...> Даже имеются такие выражения: “Хороши сады-то Божьи”. Конечно, такая книжка ничего не даст нового. <...>

В этих стихах-песнях нет того, что бы воспитывало, учило, показывало и закаляло. Коль настоящая книжка не имеет этих элементов, то, конечно, она бесполезна для настоящего времени, для трудового крестьянства”.

И на той, и на другой рецензии стоят одинаковые резолюции разных редакторов: “Согласен. Считаю нужным вернуть”.

Не прошла редакционно-издательский барьер и третья рукопись Ширяевца – сборник стихотворений “Самогуды”. Но всё же один из сборников, предложенных Ширяевцем для издания, – “Раздолье” – получил-таки (хотя и с оговорками) положительную оценку рецензента. На этот раз им оказался известный прозаик (и одновременно штатный сотрудник Госиздата) Иван Касаткин, который дал во многом справедливую, хотя и несколько одностороннюю, характеристику творчества поэта:

“Среди народных поэтов всех оттенков Ширяевец стоит особняком. У него есть своё лицо. Вся его поэзия упирается в русскую народную песню и в ее корни. Ширяевец национален и народен. Это его недостаток и достоинство. Утверждается, что нельзя, немислимо подражать народному творчеству (песне, сказке, былине) – неминуемо впадешь в художественную ложь и в дешёвую подделку. Но, читая песни Ширяевца, этой лжи и подделки почти не чувствуешь. Он широк и певуч, как сама народная песня. Об одном жалеешь, что Ширяевец тянет эту народную песню уже года и года и никак не хочет подойти к ней с попыткой некоего преломления её в сторону инаких индивидуальных построений. Это у него есть лишь в стихах типа частушек. Словом, Ширяевец чрезмерно верен народной песне, слишком постоянен, неизменен и одинаков. Его книжку издать надо, так как до сих пор на рынке Ширяевца неприметно. Но, ввиду отяжеляющей одинаковости его мотивов, пожалуй, не мешало бы из представленного отобрать наилучшее, что должен сделать в своих интересах сам автор”.

Редакционно-издательская работа над “Раздольем” растянулась надолго, и книга вышла в свет только в феврале 1924 года, всего за три месяца до безвременной кончины автора.

Всё это время Ширяевец, живший исключительно литературным трудом, что называется, перебивался с хлеба на квас. И ему пришлось, “смирив себя”, пойти на регулярное сотрудничество с официальной печатью. В основном это были газеты (в частности, “Рабочая газета”) и тонкие еженедельники, двухнедельники и ежемесячники, которые тогда стали издаваться в Москве (“Работница”, “Крестьянка”, “Красноармеец”, “Новая деревня” и др.). В первый из них поэт отдает поэму “Работница”, во второй – стихотворение “Крестьянка”, в третий – стихотворение “Красноармеец”, и все эти сочинения печатаются. И все они по сути своей – не что иное, как вызванные нуждой “стихи на случай”, из тех, о которых некий одесский стихоплёт когда-то выразился так: “Вы просите песен? Их есть у меня!”

Однако в своем главном Ширяевец остаётся (как справедливо сказал о нём И. Касаткин) “постоянен и неизменен”.

В феврале 1924 г. он заканчивает поэму “Палач”, написанную в форме сказа, традиционного для русского фольклора. В основу ее динамично развивающегося сюжета положено событие из жизни Москвы XVI–XVII веков. В поэме нет конкретных исторических героев, но Ширяевцу мастерски удалось пе-

редать в ней дух русской старины, когда “не напрасно жили-своеволили”. Героиня поэмы – жена царского палача, который отрубил голову её любовнику, атаману разбойничьей ватаги, казвившей немало бояр, дьяков и купцов. После гибели возлюбленного жена бросает своего мужа-палача и становится предводителем ватаги, мстя за любимого.

Вызывает восхищение энергичная ритмическая инструментовка поэмы. Вот один из примеров:

*Заходили Русью слухи
Перемётчивые,
Из конца в конец метнутся, —
Послушайте-ка:*

*— Объявился-разгулялся атаман удал,
Беспорточникам — утеха, богачам — беда!*

*А еще беда спесивой знати показной,
Сколько в петлю проводили с песней озорной:*

*— Поболтайся, повиси,
Пузо-брюхо растряси!*

*Будет боровом гулять
Да поганить Землю-мать!*

Ширяевец успел не раз выступить с чтением “Палача” публично. Произведение пришлось слушателям по душе. Даже в скупой газетной информации прозвучала его положительная оценка: “Тов. Ширяевец прочитал поэму “Палач”, написанную старо-русским языком. <...> Поэма произвела хорошее впечатление” (“Известия ЦИК СССР и ВЦИК”, 1924, 12 февраля).

Это признание было очень значимым для поэта – не случайно в одном из своих последних писем он обронил: “Палача” многие хвалят”. По словам самого Ширяевца (в изложении С. Фомина), Сергей Есенин воспринял “Палача” как “большую, удачную вещь” (“Красная нива”, 1926, № 22, с. 21). Ныне не без оснований выдвигается предположение (А. Марченко), что именно эта ширяевецкая поэма (вкюпе с “Мужикословом”) подсказала Есенину как замысел его “Песни о великом походе”, так и характер воплощения этой “Песни...” в слове.

Ранняя смерть Ширяевца (он ушел из жизни 37-летним 15 мая 1924 г.) всколыхнула всю литературную общественность. Создаётся комиссия по литературному наследию поэта, куда входят его друзья-сопесенники Есенин, Клычков и Орешин, а также литературный критик В. Львов-Рогачевский, высоко ценивший творчество Ширяевца. Было объявлено о намерении издать полноценный посмертный сборник его произведений (он выйдет в Москве под названием “Волжские песни” в 1928 году).

К сожалению, с тех пор Ширяевец переиздавался очень редко и в основном у себя на родине – в Куйбышеве (еще в советские времена) и в Тольятти (б. Ставрополе-Самарском, уже в наши дни). Отдельного же столичного издания его творческого наследия любители русской поэзии так до сих пор и не дождались.

Между тем сам поэт был неколебимо уверен, что его время обязательно придёт. Еще из Туркестана он писал (10 февраля 1921 г.) в одном из писем:

“Рвуть на Русь, к Волге, живу, дышу только Песней! Пятнадцать лет как я оторван от Родины, но я Её не забыл, думаю, что и она обо мне когда-нибудь вспомнит”.

Память о поэте все эти годы была жива... Невозможно сомневаться, что она будет жить и дальше и обязательно найдёт своё воплощение в новых книгах Ширяевца – этого певца Родины-Руси – уже в наше время.